

Все люди воспринимают мир по-разному. Вернее сказать, по-своему. Мы как будто смотрим на него сквозь окуляры очков. При этом у всех разные цвета стекол, диоптрии, разные калибры окуляров, оптические силы линз, разные сетчатки, хрусталики, радиусы зрачка, диаметры оптической оси, синусы роговицы, ракурсы и фокусы зрения (как в прямом, так и в переносном смысле). **Вроде смотрим на один и тот же предмет, а видим его по-разному.** Для одного он будет живее обычного, для другого – печальнее общепринятого, третий назовет его мертвым, четвертый – голубым¹.

Однако мы не только видим, мы еще и слышим мир по-разному. Немецкий петух ласкает слух бюргера призывным «кикирики». Попивая утренний чай с молоком, англичанин в петушиных побудках слышит почти джазовое «кука-дудл-ду». И пока итальянский петух, как редкий тенор, заливается оперным «чикиричи», а исландский – сотрясает заиндеветый слух викинга звонким «гагалаго», японский будет непринужденно «кокекокко»-вать, а китайский ему льстиво поддакивать – «во-во-во-во-во». С курицами все еще сложнее. Если русская гордо прокудахнет «ко-ко-ко», то турецкая просто разругается в пух и прах, вернее в «гыт-гыт-гыдаак».

Не менее разнообразны и слуховые восприятия других животных. Французские лягушки не умеют квакать, зато у них хорошо получается «коакоа»-кать (соа-соа – фр). Там где финн на болоте услышит «квекк-квекк», турок различит лишь «врак-врак», кхмер же

Картина
«Вавилонская башня»,
Питер Брейгель-старший (1563).
Foto: WIKIMEDIA

В языке и его влиянии на картину мира

Художник, краски и картина

примет кваканье за «ауп-ауп»-анье, а житель Гуанджоу, по сути – китаец, – за «гуо-гуо»-канье.

Удивляют и другие расхождения звукорядов. Если русский конь от широты душевной ржет, не стеснясь, полной грудью «и-го-го», то итальянского хватает всего лишь на какие-то жалкие «хиши-хиши». Голландскому поросенку, как и русскому, очень важно прохрюкать раскатистый «р»,

английскому же для выражения своего свиного благополучия будет достаточно и невзрачного «ойнк-ойнк». И так до бесконечности.

Мы не только слышим, мы и измеряем мир иначе. У нас разные печки, от которых надо плясать. Если для нас пространственным ориентиром служат направления направо-налево – вперед-назад – вверх-вниз, то для некоторых народов такими точками отсчета являются зениты с надирями, медведицы со скорпионами (созвездия), розы (ветров) с фазами (луны), восходы с закатами и т. д. Взять, к примеру, тех же аборигенов из племени «пормпураау»², не раз описанных в работах Л. Бородицкой.

¹ Ср. Наличие голубого как самостоятельного цвета в русском языке.

² Представители этого народа, живущего на западном побережье мыса Йорк в штате Квинсленд, вместо таких обозначений, как *лево* и *право*, используют стороны света: *север*, *юг*, *восток* и *запад*. Например: «У тебя муравей на юго-восточной ноге». «Это означает, что для того, чтобы объясняться на этом языке, вы должны постоянно знать свое положение относительно сторон света». Из интервью Л. Бородицкой «Муравей на юго-восточной ноге»: как язык формирует сознание». [Электронный ресурс]: <https://www.svoboda.org/a/2144007.html> (дата обращения 21.11.2020)

Мы считаем, исчисляем мир по-разному. В той же Камбодже, например, используют бинарную систему с основанием 5. То есть число *шесть* на кхмерском будет произноситься как *пять плюс один*, *семь* как *пять плюс два* и т. д. Народ йоруба (Нигерия) успешно обходится *двенадцатеричной системой счисления*³. В Бутане не размениваются и применяют аж *двадцатеричную систему*⁴.

Мы иначе думаем об этом мире, иначе представляем его. В каждом таком представлении не только диоптрии и преломления, но еще и факторы физиологии, характера, пола, темперамента, эмоционального настроения, места рождения, наследственные предрасположенности, особенности нравственных норм, социального строя, культурного аспекта, истории этноса, традиций, национального контекста, личный опыт человека, возможные психические отклонения, его возраст. Все это так или иначе влияет на образ этого мира, который мы создаем в своем сознании.

Мы не только представляем этот мир по-своему, но мы еще и называем его по-разному. По сути дела, мы мало чем отличаемся от тех шестерых слепых из одной древнеиндийской притчи, каждый из которых, дотрагиваясь до слона и опираясь только на свои тактильные ощущения, пытался описать словами облик таинственного животного. В результате каждый *«получал»* своего собственного слона. У одного он был гигантский, у другого – шершавый, у третьего – овальный, у четвертого – толстокожий и т. д. Только от всех этих характеристик слону было ни жарко ни холодно. И ему было глубоко наплевать, что кто-то видел его шаром, кто-то – квадратом, а кто-то – лопаухой бабочкой. Для себя он по-прежнему оставался слонем. Все эти сравнения не могли ничего изменить в его

▲ Картина «Слепые и слон».

Фото: WIKIMEDIA

слоновой сущности. Однако они вполне были в состоянии повлиять на таких же слепых, как и участники этого *«осозательного»* эксперимента. Приклеив хоботоносцу свой вербальный ярлык, слепые, сами того не подозревая, создали тем самым лингвистический прецедент, а именно новые эталоны восприятия этого слона. Эталоны, которые для людей, никогда в жизни не видевших слонов, могли стать отправной точкой отсчета в их представлениях об этих огромных животных.

Примерно так же человек поступал с этим миром. **Давая ему имена, он пытался взять под контроль свои образы.** Так было проще не запутаться в предназначении мира. Подчинить его определенной логике, зафиксировать его, чтобы держать на коротком поводке и больше не испытывать перед ним никакого страха. Ведь по

большому счету мы боимся того, что не имеет названия. Поскольку то, что не имеет названия, остается для нас страшной загадкой. А то, что мы не понимаем, вселяет в нас страх и неуверенность. Названные же понятия становятся одомашненными, ручными. С ними можно делать все что угодно. Склонять, спрягать, делить на время, умножать на количество, запихивать в клетки различных парадигм. Только когда миру вещей и понятий даны имена, этот мир начинает смотреть на своего хозяина со *«словесной»* щенячьей преданностью и *«лингвистической»* лаской. И кажется безобидным и родным.

И вот однажды, когда весь подконтрольный мир стал *«своим»*, вдруг наступила *«вторая часть Марлезонского балета»*. Отписав слову все свои интеллектуальные накопления и прочие культурные имущества, дав ему карт-бланш в организации всей своей духовной жизни, совершенно не бдительный хозяин, **человек, даже не заметил, как слово беспощадно вступило в свои ментальные права.** Как оно стало проявлять свое *«словесное коварство»*. Как оно постепенно начало подчинять себе человека, заставляя его видеть мир таким, каким оно видело его само. Он упустил из виду, как слово, безгранично распространяясь, заражало его, словно вирус, своим собственным взглядом на жизнь, своим *«зрением»*, своей краской, своим сюжетом, своей языковой картиной (именно картиной, а не фотографией) этого мира.

Можно сказать, что, наклеив и раздав этому миру лейблы и этикетки, человек, возможно, даже сам

³ Система возникла, исходя из количества фаланг четырех пальцев руки (исключая большой) при подсчете их большим пальцем той же руки. Фаланги пальцев использовались как простейшие счеты (текущее состояние счета засекалось большим пальцем) вместо загибания пальцев, принятого в европейской цивилизации.

⁴ Таким образом, шестьдесят в этом языке выражается как 3×20 , семьдесят – $3 \times 20 + 10$, восемьдесят – 4×20 и девяносто – $4 \times 20 + 10$.

того не подозревая, открыл ящик Пандоры, создал существо (язык), которое стало способно влиять на его восприятие этого мира. Из носителя языка человек постепенно превращался в его пленника. **Язык стал навязывать ему свою картину мира.** Как верно отмечала в своей книге «*Война и мир языков и культур*» С. Г. Тер-Минасова, «язык стал орудием в руках человека, но и одновременно его повелителем, диктующим ему нормы поведения, навязывающим представления, идеи, отношение к жизни, к людям. Язык – и царь, и раб, и "инженер человеческих душ"⁵. Границы этого мира отныне стали определяться «границами языка»⁶.

После Вавилона количество этих «царей» резко увеличилось. Причем каждый из них заставлял видеть этот мир по-своему. Мир перестал быть одинаковым. Но от этого ему на самом деле не стало хуже. Ведь не случись Вавилона, который мы почему-то привыкли воспринимать лишь в качестве штрафной санкции небесной канцелярии за проявление человеком безмерной гордыни и высокомерия, то мир по-прежнему оставался бы в подчинении одного-единственного «видения» этого мира и мы вряд ли смогли бы «узреть» все его многообразие. Ведь

только допустив существование сотен различных точек отсчета, тысячи печек, от которых следует плясать, разных когнитивных систем, можно увидеть этот мир в полном его великолепии. Поэтому вряд ли стоит так переживать по поводу этого Вавилона и нести голову лингвистики на плаху. Бога можно только поблагодарить за устроенное им вавилонское хулиганство, а не хулить его за этот лингвистический эксперимент. Смешав языки, Вседержитель не только позаботился о переводчиках (отныне даже в самые «худые» годы им улыбался «хлеб насущный»), но и дал возможность этому миру взглянуть на себя во всей своей красе со стороны. Он позволил создать тысячи новых этих взглядов⁷, написанных самыми яркими красками. И описанных самыми яркими учеными⁸.

Он позволил «прорубить» тысячи новых «окон», сквозь которые мы смотрим на этот мир⁹. Сотни новых «окон» на сотнях «этажей» этого огромного общечеловеческого общежития, этого всемирного небоскреба восприятия жизни. Тысячи новых «окон», которые создали тысячи новых представлений об этом мире. В результате тому, кто оказался сверху, стало проще распознавать оттенки неба (уже упомянутое раз-

личие в русском «синего» и «голубого»). Тому, кто ближе к природе, – лучше оценивать местоположение дома в системе зодиакальных созвездий и географических координат.

Иное видение. Иное представление о времени и пространстве. Иное отношение к ним. Может, именно по этой причине нашим современникам с «разных этажей» бывает так сложно понять друг друга. (Не отсюда ли, кстати, растут ноги войн языков и культур?) Ведь даже под тем же небом каждый из нас старается «разглядеть» что-то свое. Как верно когда-то подметил Гай Дойчер, «культурным условностям, предопределенным спецификой того или иного языка (или в нашем случае – «оконного проема» и соответствующего «этажа»¹⁰ – прим. автора), удается так сильно вмешиваться во внутренние дела понятий, что подчас даже собаку невозможно отличить от кошки»¹¹. Тот же лес для одних окажется тайгой, для других – джунглями, для третьих – тремя тополями на Плющихе¹².

Предисловие к статье

«Язык и его влияние на становление, развитие и бытование романо-германской культурной эпохи (западноевропейской цивилизации). Постановка вопроса».

Вячеслав Нургулиев

⁵ Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. С. 14.

⁶ Как писал величайший австрийский философ Л. Витгенштейн, «границы моего языка определяют границы моего мира». См. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 56. Многие понимают эту фразу слишком прямолинейно и считают, что речь в ней идет лишь о пользе изучения иностранных языков: чем большее количество языков знает человек, тем шире границы его мира. Однако формулировка Л. Витгенштейна имеет другой философский смысл: реальность опосредуется языком, который «пересоздает» ее внутри себя и тем самым творит образ мира, уникальный для конкретного языка и конкретной культуры. Иными словами, язык конструирует реальность.

⁷ А то и больше, если учесть то обстоятельство, что каждый месяц в мире умирает по два языка.

⁸ Большое внимание вопросам влияния языка на наши представления об этом мире уделялось в трудах Дж. Локка, Ф. Бэкона, В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Л. Вайсгербера, неогумбольдианцев, Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Витгенштейна, С. П. Тер-Минасовой, Г. Дойчера, И. Данилевского, А. А. Потебни, Н. Хомского, Л. С. Выготского и др.

⁹ Используя эти маклерские параметры, будет, кстати, несложно прийти к выводу о пользе изучения иностранных языков. Каждое новое окно, читай – язык, будет только совершенствовать наше представление об этом многогранном мире. Владение новым языком – как дополнительный вид сверху или снизу, с запада, севера или востока – позволит еще лучше представить наше место во Вселенной. Поняв то, где мы живем, будет проще осознать, зачем мы это делаем. Такой получается силлогизм.

¹⁰ Для удобства аналитические языки с более развитой грамматикой, лексикой, а также иерархией абстрактных понятий можно разместить на «верхних» этажах этого многоквартирного небоскреба.

¹¹ Дойчер, Г. Сквозь зеркало языка. Почему на других языках мир выглядит иначе. М.: Аст, 2016. С. 7.

¹² И подобная свистопляска сопровождала, сопровождает и в силу складывающихся обстоятельств еще долгие годы будет сопровождать человечество, пока «вид из окна» будет сравниваться, самоутверждаться, доминировать в сознании человека. Пока человек не научится ценить сходства и уважать различия. Ведь делать это несомненно сложнее, чем просто недопонимать или неверно интерпретировать.